

Нуль в мантии

К итогам избрания новых академиков РАН. История вопроса

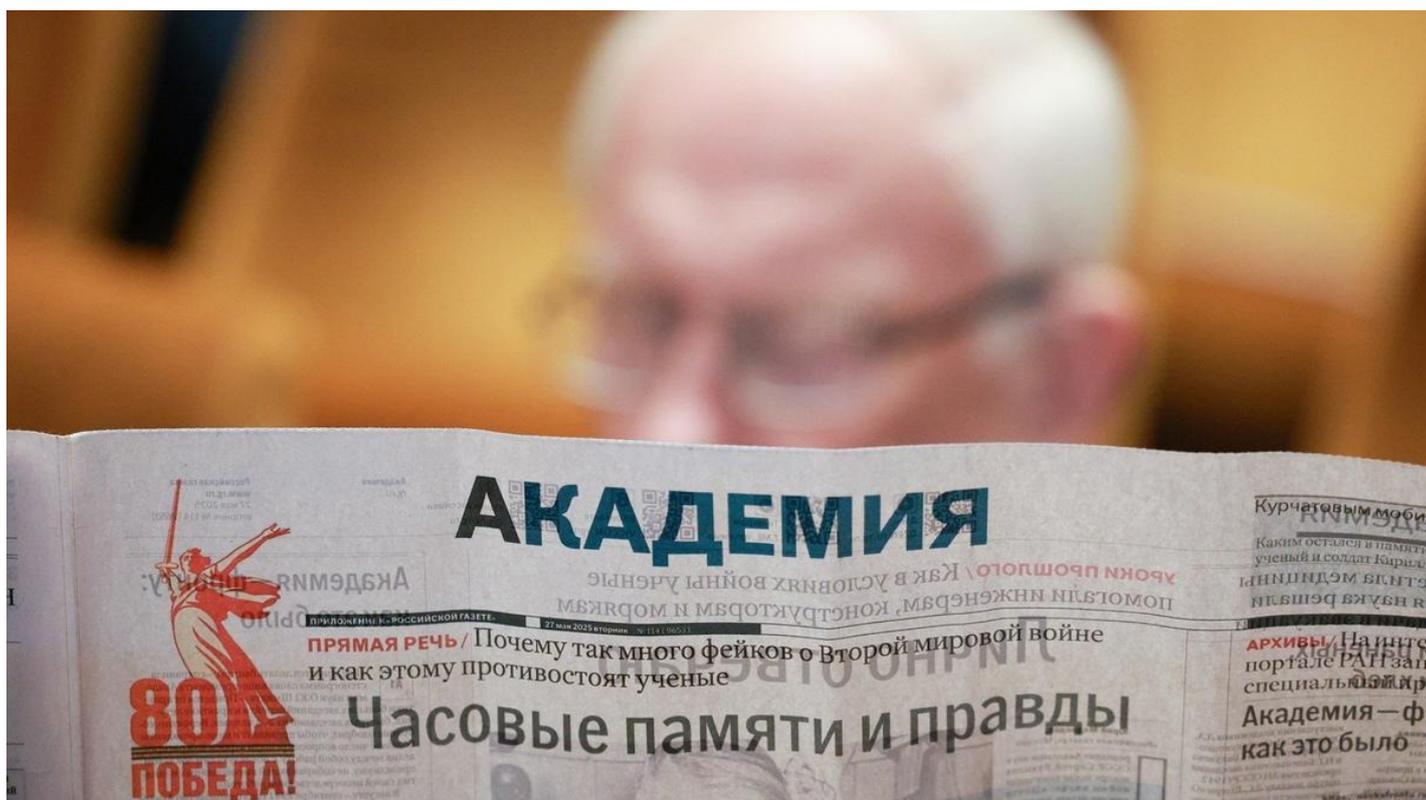

Фото: Александр Щербак / ТАСС

14:36, 5 июня 2025,

Павел Гутионов

обозреватель

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

«Я особенно близко принимал к сердцу проблемы свободы науки, научной честности — наука казалась мне (и кажется сейчас) важнейшей частью цивилизации, и поэтому посягательство на нее — особенно недопустимым».

А.Д. Сахаров

Как известно, первые 12 лет при советской власти Академия наук сумела прожить, не имея в своем составе ни одного академика-коммуниста. В 1929 году Политбюро ВКП(б) решило положить этому конец и выдвинуло на выборы семерых членов партии. Выборы закончились скандалом: академики забаллотировали троих — наиболее одиозных с их точки зрения.

Поведение беспартийных академиков показалось партии демонстративно вызывающим. Председатель ВСНХ товарищ Куйбышев, отвечавший в СССР за отраслевую науку, призвал покарать академию «огнем и мечом» или, попросту говоря, закрыть. Совет народных комиссаров не пошел на столь крайнюю меру, тем более что академики после разъяснительной работы одумались и спустя месяц «доизбрали» в свои ряды всех предложенных им свыше коммунистов.

Но сделанного не воротишь. Поведение старых ученых должно было показаться тем более оскорбительным в свете того, что «власть для них сделала», насколько снисходительна к ним была. Еще в 1922 году на Политбюро был рассмотрен вопрос академии по записке Льва Каменева, к которой был приложен

письменный доклад вице-президента РАН академика Стеклова «Современное состояние научного дела Российской Академии наук».

Из доклада вице-президента РАН академика Стеклова:

«Почти дословно приходится повторять отчаянные вопли Михайлы Ломоносова, что Академия и Наука пришли в совершенное оскудение, а он «нижайший» (это величайший-то из гениев) не только пропитания себе достать, но даже на лекарства против болезни не только не имеет, но и занять где не может. За 2/3 прошлого (кажется, 1742 г.) жалования не донял, да и за половину этого года ничего не получил, ни книг, ни инструментов, ни лаборатории не имеет и знания свои и способности в действие произвести не может, отчего химической науке явный ущерб происходит. Но Ломоносов еще от отсутствия воды, света и топлива не страдал, здания Академии были еще новые, крыши не протекали. выгребные ямы вычищались без задержек, типография печатала не только все, что нужно, но и что не нужно. В настоящее время мы постепенно лишаемся и этих последних благ.

Материальное положение ученых, быть может, и лучше Ломоносовского, хотя и были случаи, что жене академика пришлось перед Пасхой продавать сапоги на базаре и за то претерпеть большие неприятности, но в остальном положение Академии Наук становится хуже, чем при Ломоносове».

Давно и безвозвратно минули времена независимости науки от государственной власти. Это арестованный Ландау сможет в своей камере заниматься теоретической физикой «в уме», пока Петр Леонидович Капица не дойдет до высших кабинетов и не освободит антисоветчика «под свою ответственность»; всем остальным требовалось все больше и больше — оборудования, материалов, средств, короче говоря. И дать их могло только государство.

«Самые решительные меры использовать городской ассенизационный обоз в лучшем случае позволяли иногда добыть несколько десятков бочек, лишь слегка вычерпывающих содержимое 35 люков зданий Академии.

Люки засорялись твердыми осадками и в настоящее время требуют коренной чистки; жидкость выпирает наружу, проникает в уборные, распространяя иногда зловоние и, надо думать, заразу. Несколько раз нечистоты выступали и подмачивали имущество книжного склада. Только неотложная очистка люков требует миллиардного расхода и отложить его, отказаться от него — невозможно...» — это из того же доклада Стеклова с униженными просьбами к тем, кого и уважать-то было пока не за что.

Взамен же власть требовала не просто добросовестной работы, но и этого самого уважения. Только на этих условиях она и снизошла к запросам ученых, согласилась очистить сортиры в зданиях академии. И вот — такая неблагодарность!

Еще в ноябре 1925 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия «для связи и наблюдения за работой Академии наук», в задачу которой входила разработка нового устава академии, и в 1927 году комиссии в несколько измененном составе была поручена подготовка и проведение выборов новых академиков. В число кандидатов на академические звания были включены члены ВКП(б), чьей задачей было ускорение «советизации» АН.

Комиссия подготовила списки кандидатов в академики в трех категориях:

- «1) Члены ВКП(б);
- 2) Кандидаты ближе к нам;
- 3) Кандидаты приемлемые».

Потом целый год шли кулуарные переговоры Бухарина с руководством академии.

Сам по себе эпизод с голосованием по кандидатурам ученых-коммунистов на выборах в АН СССР в 1929 году не мог бы вызвать жесткой реакции власти и широкой кампании в СМИ с требованиями рабочих и крестьян уничтожить «гнилой пережиток тайных баллотировок» и «поставить всю деятельность Академии наук под контроль пролетарской общественности». Не избранные академиками трое коммунистов никого не интересовали, власть взбесил не только факт неповиновения академиков, но и демонстративное нарушение учеными их же, ученых, тайной договоренности с властью.

17 января 1929 года состоялось чрезвычайное общее собрание академии, на котором после бурных дебатов было принято решение о ходатайстве перед правительством на проведение

повторного голосования по этим трем кандидатурам. Ситуацию на общем собрании президент академии старик А.П. Карпинский охарактеризовал так: «наше положение хуже каторжного», т.к. все делалось в нарушение всех академических традиций. В партийных верхах вначале было подготовлено высокомерное решение об отклонении просьбы о повторном голосовании, но потом разрешение было дано.

Президент Академии наук СССР Александр Карпинский приветствует делегатов X съезда комсомола, 1921 год.
Фото: архив

Повторное голосование состоялось. Все три кандидата были избраны в состав действительных членов академии. Правда, из избранных в 1929 году 42 академиком в годы сталинских репрессий погибли Н. Бухарин, Н. Вавилов, Г. Надсон, Д. Рязанов, А. Самойлович, Н. Лукин. Умерли ранее, но, несомненно, оказались бы в числе репрессированных В. Фриче и М. Покровский. Не вернулся из-за границы и таким образом уцелел А. Чичибабин, застрелился в 1940-м Д. Рождественский.

Из семи членов ВКП(б), в связи с избранием которых в 1929 году развертывались такие бурные события, выжили только Кржижановский и Губкин да проходивший под рубрикой «ближе к нам» философ Деборин. Но урок, извлеченный в 1929-м, исключил возможные его повторения на много лет вперед и на многих выборах новых членов академии.

Тут уже не до жиру, сами ведь старались продемонстрировать даже не лояльность, а безудержную верность.

«Больше заботы о своем достоинстве»

Уже после войны группа академиков выдвинула предложение избрать почетным членом АН СССР первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел Молотова. Но Молотов в это время находился в Нью-Йорке на сессии ООН, и получить его согласие на выдвижение было весьма затруднительно технически. Тогда инициаторы обратились к Сталину (тоже почетному академику) с просьбой о содействии, и тот отправил Молотову следующее послание:

«Академики Вавилов, Бруевич, Волгин, Лысенко и другие просят меня убедить тебя, чтобы ты не возражал против их предложения насчет избрания тебя почетным членом Академии наук СССР. Я поддерживаю академиков и прошу тебя дать согласие.

И. Сталин».

Естественно, Молотов, получивший это предложение, «не возражал».

Вячеслав Молотов. Фото: Википедия

2 декабря 1946 года Общее собрание АН СССР избрало Молотова почетным академиком «за выдающиеся заслуги в развитии марксистско-ленинской науки об обществе, государстве и международных отношениях, за исключительные заслуги в деле строительства и укрепления советского государства», о чем Вячеславу Михайловичу было послано соответствующее уведомление. А на следующем заседании президент Академии наук СССР С. Вавилов зачитал его ответную телеграмму:

«Приношу глубокую благодарность Академии наук и лично Вам за оказанную мне советскими учеными высокую честь — избрание меня почетным членом

Академии наук СССР. Поставленные нашим великим вождем И.В. Сталиным задачи «превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны» достойны ученых, путь которых вперед освещен светом учения марксизма-ленинизма и расчищен от пережитков прошлого великими завоеваниями нашей Советской Родины.

Служа своему народу, мы испытываем тем большее удовлетворение, что в теперешних условиях этим мы служим всему делу прогресса и лучшим целям науки.

Ваш В. МОЛОТОВ».

На следующий день телеграмма Молотова была опубликована в «Правде» и прочитана Сталиным, находившимся на отдыхе в Сочи. Но, видимо, с утра вождь был не в духе и уже в 11 часов утра сделал Молотову неожиданный письменный выговор:

«Я был поражен твоей телеграммой в адрес Вавилова и Бруевича по поводу твоего избрания почетным членом Академии наук. Неужели ты в самом деле переживаешь восторг в связи с избранием в почетные члены? Что значит подпись «Ваш Молотов»? Я не думал, что ты можешь так расчувствоваться в связи с таким второстепенным делом, как избрание в почетные члены. Мне кажется, что тебе как государственному деятелю высшего типа следовало бы иметь больше заботы о своем достоинстве. Вероятно, ты будешь недоволен этой

телеграммой, но я не могу поступить иначе, так как считаю себя обязанным сказать тебе правду, как я ее понимаю».

Потрясенный, надо думать, таким поворотом событий, «государственный деятель высшего типа», никогда не позволявший себе ни в чем возражать Сталину, тут же направил ответ:

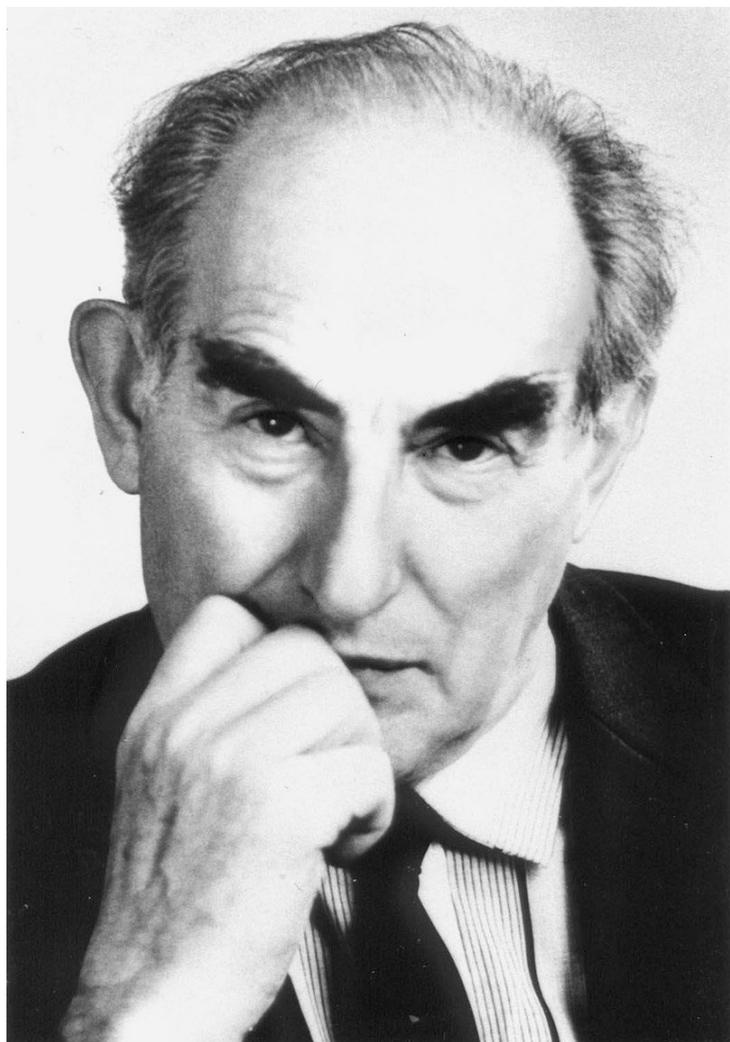
«Твою телеграмму насчет моего ответа Академии наук получил. Вижу, что сделал глупость. Избрание меня в почетные члены отнюдь не приводит меня в восторг. Я чувствовал бы себя лучше, если бы не было этого избрания.

За телеграмму спасибо. 5.XII.46 г. МОЛОТОВ».

Но даже много позже, будучи в опале, лишенный всех остальных благ, благами академическими Молотов пользоваться не перестал.

Выборы, выборы...

А власть стеснялась все меньше.

Виталий Гинзбург. Фото: Википедия

Вспоминает академик Виталий Гинзбург:

«В 1943 г., после того как И.В. Курчатов был поставлен во главе «атомного проекта», кто-то где-то решил, как у нас было принято (надеюсь, именно было принято и не будет происходить в дальнейшем), «укрепить» положение И.В. Курчатова, избрав его в академики. Было «выделено» соответствующее место, и в 1943 г. в Казани состоялись выборы. Но выбран на это место был А.И. Алиханов. Знающим академические нравы сразу отвечаю на вопрос: как же поступило академическое начальство, не выполнившее «указание сверху» избрать И.В. Курчатова?»

Ответ таков: кто надо позвонил кому надо, и через 10 минут было «выделено» второе место, после чего и И.В. Курчатов был избран».

Игорь Тамм. Фото: Википедия

А вот физик Игорь Евгеньевич Тамм в 1946 году допущен к избранию в академики не был. Его внук — литератор, историк, археолог Леонид Вернский — заметил по этому поводу: «У него была черная галочка, его каждый год выдвигали и все время вычеркивали. Его лично вычеркивал и Берия, и Маленков. До смерти Сталина, до 1954 года, он академиком не стал».

В 1958-м Тамму присудили Нобелевскую премию.

Но скандалы время от времени продолжали сотрясать академию.

Сергей Трапезников окончил экстерном исторический факультет Московского педагогического института им. В.И. Ленина и Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Защитил докторскую диссертацию «Коллективизация крестьянских хозяйств и организационно-хозяйственное укрепление колхозов (1927–1934 гг.). На материалах важнейших зерновых районов РСФСР Сев.-Кавказского, Нижне-Волж. и Сред.-Волж. краев».

Сергей Трапезников. Фото: Википедия

В 1956–1960 годах Трапезников — помощник секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева. В 1960–1965-м — проректор Высшей партийной школы при ЦК КПСС по научной работе.

В 1965–1983 годах — заведующий Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС. Согласно некоторым утверждениям, возглавил кампанию по реабилитации Сталина, которая все интенсивнее проводилась в 1965–1966 годах. Общеизвестно, что отдел науки стал самым консервативным идеологическим отделом в Аппарате ЦК.

По словам Вадима Медведева, сменившего Трапезникова на должности заведующего отделом науки ЦК, «этот желчный, больной человек, абсолютно оторванный от реальной жизни, жил в мире идей и представлений, сформировавшихся еще в 30-е годы. Он явно считал себя чуть ли не главным истолкователем истории и идеологии партии и пытался навязать свои представления общественным наукам, не гнушаясь методами разноса и разгрома неудобных людей».

Такой вот человек был «выдвинут в академики» и забаллотирован общим собранием.

Отдел науки ЦК КПСС управлял деятельностью Академии наук и контролировал ее работу. Он решал все: выделял вакансии академиков и членкоров, от него зависел размер выделяемых средств и других благ, избрание и назначение руководителей на должности во всех научных институтах и учреждениях АН СССР. К тому же Трапезников считался креатурой лично генсека — Брежнева.

Страшно даже подумать, что могло произойти вслед за демонстративным актом независимости и вольнодумства.

В этой ситуации президент Академии Келдыш и члены Президиума АН не хотели еще больше портить и без того нелегкие отношения с Трапезниковым и выступали за его избрание. Хорошо понимаю, пишет новосибирский физик М. Качан, чего им стоило пойти на такой компромисс с собственной совестью. Представляю себе, как они

разговаривали с академиками, уговаривая их «зажмуриться» и проголосовать «за».

«В конце концов академик Арцимович внес компромиссное предложение: провести повторное голосование, но только по тем кандидатурам, которые набрали ранее менее 2/3, требуемых для избрания, но более 50% голосов. Это предложение было принято. В компанию с Трапезниковым попали директор Института государства и права АН Чхиквадзе и философ Иовчук — оба членкоры, баллотировавшиеся в академики, но тоже не набравшие 2/3 голосов.

Повторное заседание Общего собрания Академии было назначено на следующий день, который был субботним, что не имело прецедентов ранее. Мне было интересно, как проголосуют академики, и я снова пришел в Академию наук.

Тайное голосование. Подсчет голосов. Объявляется результат: при голосовании все три кандидатуры снова не набрали необходимого числа голосов».

Интересно, что Брежнев к этому фиаско своего протеже отнесся благодушно: «Ну и что, я тоже не академик...» Но в академии об этом не знали.

И лишь в 1976 году, после длительного торга, получив заверения, что Трапезников никогда не будет претендовать на звание академика, новому президенту АН Александрову удалось уговорить академиков, и Трапезников был избран член-корреспондентом. Это произошло только через девять лет.

Интересно, что полученные академией заверения ничего не стоили. Уже на следующих выборах в 1979 году Трапезников выставил свою кандидатуру в академики. Правда, академиком его вновь не избрали. После смерти Брежнева Трапезников был выведен из аппарата ЦК, и вопрос окончательно отпал.

Всесоюзная конференция «Развитие производительных сил Сибири и задачи ускорения научно-технического прогресса» в «Доме учёных» Академгородка. На трибуне — президент АН СССР академик Анатолий Александров. Фото: Анатолий Поляков / Архив СО РАН

Почему Сахарова не исключили из академии?

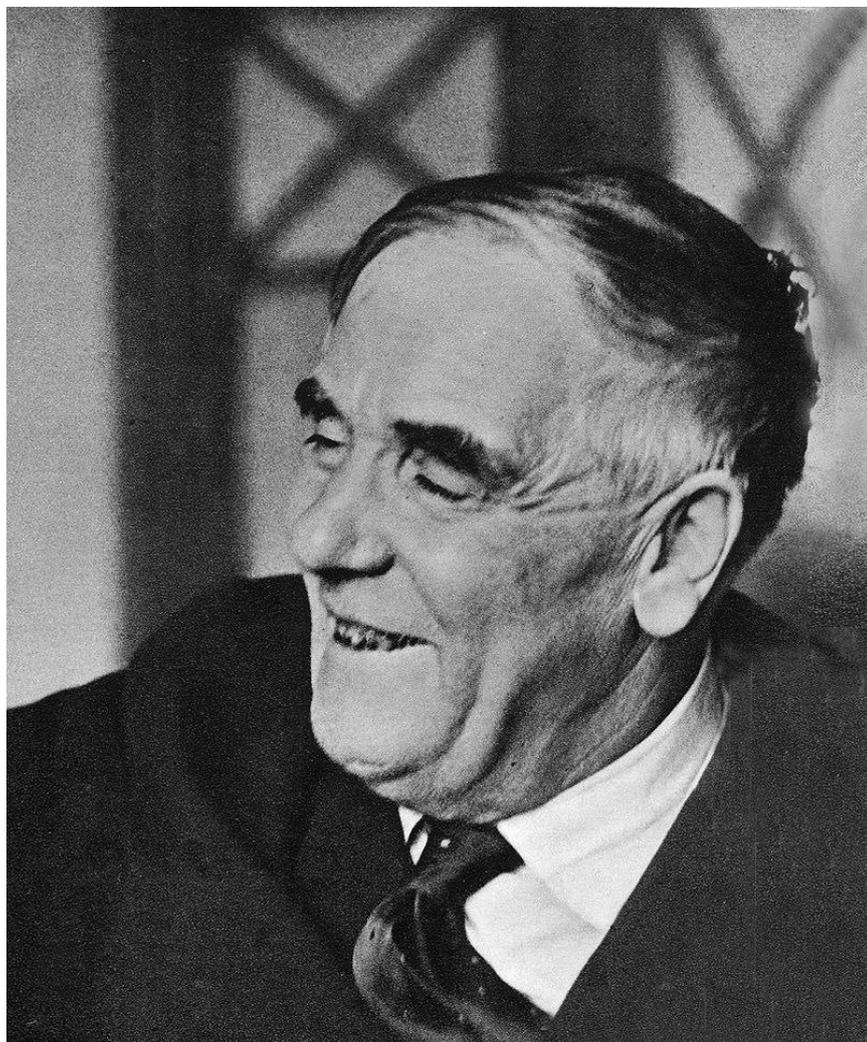
Из мемуаров Андрея Дмитриевича:

«В 1970–1972 годах, когда я обращался к Капице с общественными просьбами, я не встречал никакой поддержки. Мотивы отказа были, с моей точки зрения, неудовлетворительными, демагогическими. Надо ли

упрекать в этом человека, сделавшего до этого много хорошего? В отношениях с сотрудниками, во внутриакадемических и издательских делах позиция Капицы, говорят, не всегда была безупречной. М.А. Леонтович называл Капицу «Кентавр» — получеловек, полуживотное. Но он его любил».

Потом, в марте 1988 года, Сахаров сделал «добавление»:

«В 1987–1988 гг., после возвращения из Горького, мне стало известно, что П.Л. Капица по крайней мере дважды выступал в мою защиту с письмами на имя Председателя КГБ Ю.В. Андропова и Л.И. Брежнева. Первое из этих писем отправлено Андропову 11 ноября 1980 года и содержит просьбу об изменении положения моего и Ю.Ф. Орлова. Письмо на шести страницах, приведу некоторые отрывки:

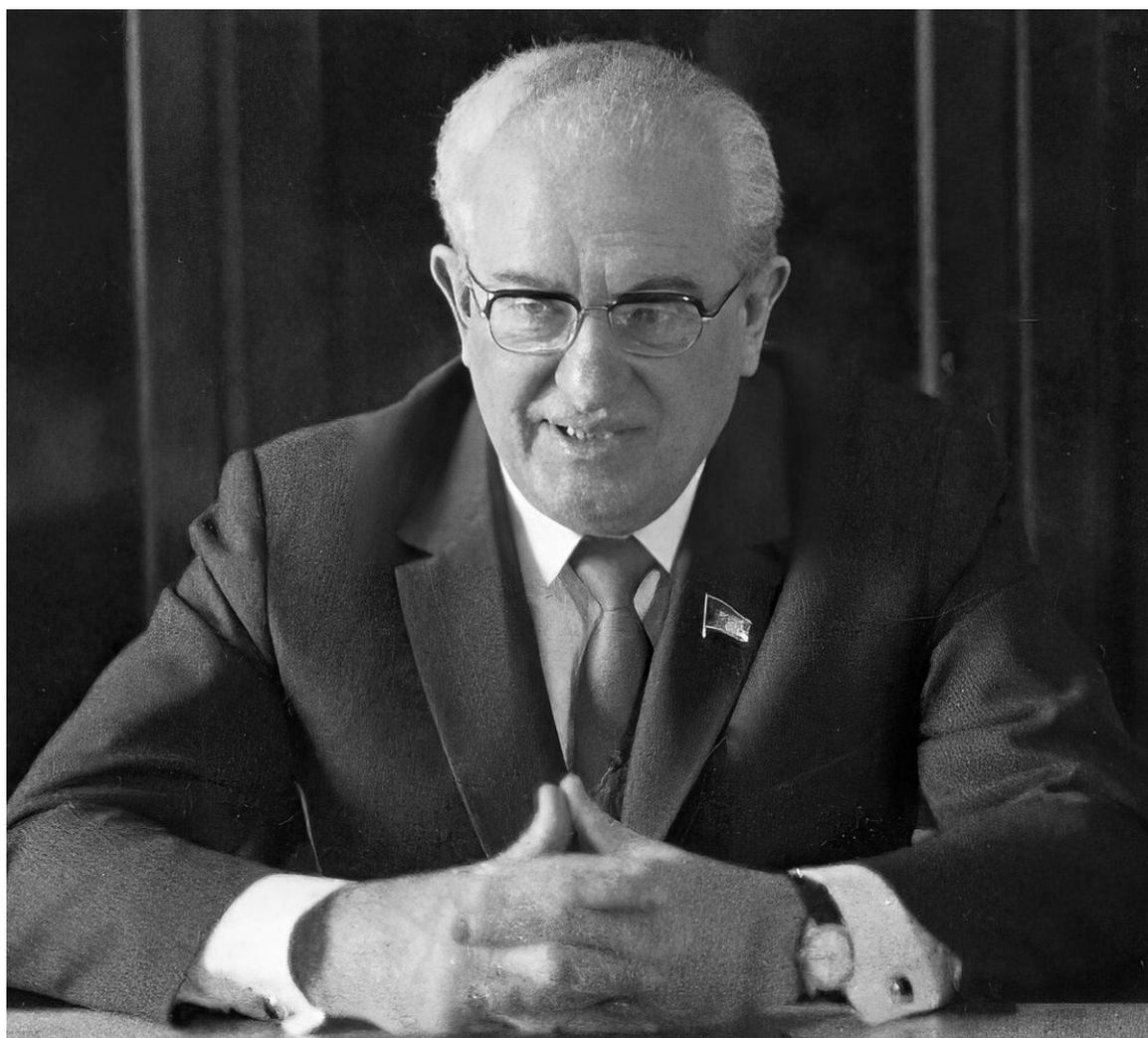

Петр Капица. Фото: Википедия

«В истории человеческой культуры, со времен Сократа, нередко имели место случаи активно враждебного отношения к инакомыслию. <...> Таким образом, чтобы появилось желание творить, в основе должно лежать недовольство существующим. Жизнь показывает, что больших талантов очень мало, и поэтому их надо ценить и оберегать. Чтобы выиграть скачки, нужны рысаки. Однако призовых рысаков мало, и они обычно норовисты. На обычной лошади ехать проще и спокойнее, но, конечно, скачек не выиграть». Заканчивает П.Л. Капица следующими словами: «Если увеличивать методы силовых приемов, то это ничего отрадного не сулит. Не лучше ли попросту дать задний ход?»

Андропов ответил 19 ноября, то есть через восемь дней. У меня нет текста ответа Андропова, но я несколько минут держал его письмо в руках и постараюсь вспомнить содержание.

Андропов пишет, что его огорчило письмо Капицы.
«Философская проблема инакомыслия не сводится к той трактовке, которую даете ей Вы. Например, террористы тоже являются инакомыслящими, но мы их не поддерживаем. Сахаров много раз посещал посольство США. А Вам известно, как они гонятся за нашими секретами. Это также было учтено при решении вопроса о высылке Сахарова. Задний ход, о котором Вы пишете, невозможен».

Юрий Андропов. Фото: Википедия

4 декабря 1981 года, во время нашей с Люсей голодовки за выезд Лизы, Петр Леонидович послал письмо на имя Л.И. Брежнева. Вот его полный текст:

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Я уже очень старый человек, и жизнь научила меня, что

великодушные поступки никогда не забываются. Сберегите Сахарова. Да, у него большие недостатки и трудный характер, но он великий ученый нашей страны. С уважением, П.Л. Капица».

Достоверно неизвестно, почему советским и партийным властям тогда не удалось исключить Андрея Дмитриевича Сахарова из Академии наук СССР. Обсуждение этого вопроса проходило за закрытыми дверями, никаких протоколов не велось, участники обсуждений не оставили воспоминаний.

Существует легенда, что по поручению Политбюро президент Академии собрал узкий круг ведущих ученых, среди них присутствовали нобелевские лауреаты П.Л. Капица и Н.Н. Семенов, и спросил, как бы они отнеслись к постановке на общем собрании Академии наук вопроса об исключении Сахарова.

Семенов произнес: «Но ведь прецедента такого не было». На это Капица возразил: «Почему не было прецедента? Был такой прецедент. Гитлер исключил Альберта Эйнштейна из Берлинской академии наук».

После этого разговора вопрос о лишении Сахарова академического звания больше не ставился, хотя Андрей Дмитриевич и был лишен всех правительственных наград (в их числе трех звезд Героя Социалистического Труда) и званий лауреата Государственных премий.

Еще один легендарный довод якобы прозвучал в те дни из уст президента АН Александрова. Какой-то партийный начальник в академических кулуарах заметил про Сахарова:

— Как он может быть членом академии? Он же давно не работает.

Александров ответил:

— Знаете, у меня есть член, он тоже давно не работает, но я держу его при себе за былые заслуги!

Андрей Сахаров. Фото: pnzgu.ru

Выборы в Академию в 1964 году. Из мемуаров Сахарова

«Летом 1964 года состоялись очередные выборы в Академию наук СССР. Академические выборы проходят в два этапа: сначала на Отделениях выбирают многократным тайным голосованием столько академиков и член-корреспондентов, сколько данному отделению выделено вакансий (вакансии определяются решением партийно-правительственных органов; кажется, Совета Министров СССР). Затем Общее собрание должно подтвердить эти кандидатуры 2/3 голосов от списочного состава за вычетом тех, кто по болезни или из-за

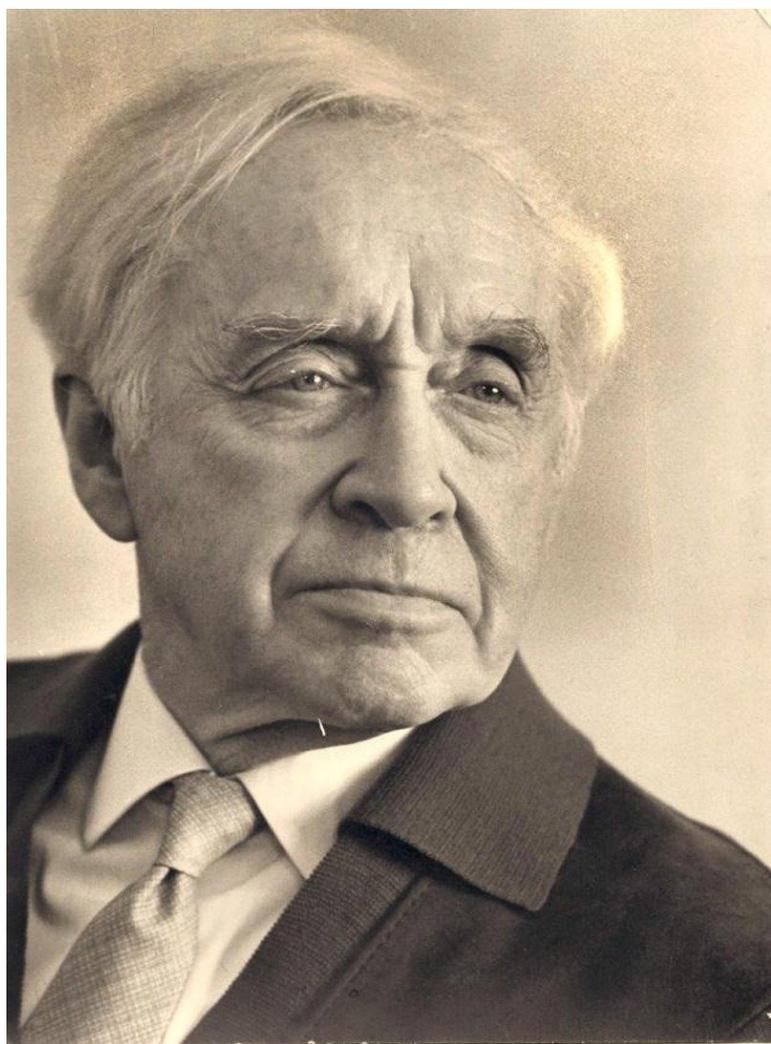
заграничной командировки не может принимать участия в выборах; о каждом поименно принимает официальное решение Президиум Академии. В подавляющем большинстве случаев Общее собрание автоматически утверждает решения Отделений — число голосов, поданных против, бывает обычно минимальным. В основном это те же академики, которые голосовали против данной кандидатуры на Отделении, члены же других Отделений традиционно доверяют результатам выборов первого этапа».

Перед общим собранием стало известно, что биологи выдвигают члена-корреспондента Нуждина, одного из ближайших сподвижников Лысенко, «соучастника и вдохновителя лженаучных авантюр и гонений на настоящую науку и подлинных ученых», как его оценил Сахаров в своих мемуарах.

«В перерыве между голосованиями на Отделении я подошел к академику Л.А. Арцимовичу и поделился с ним своим беспокойством по поводу выдвижения биологами Нуждина. Лев Андреевич отдыхал от выборных баталий, сидя на ручке кресла. Он сказал:

— Да, я знаю. Надо бы его прокатить. Но ведь вам, например, слабо выступить на Общем собрании?..

— Нет, почему же слабо? — сказал я и отошел».

Владимир Энгельгардт. Фото: Википедия

Сахаров не знал, что группа физиков и биологов также готовилась к выступлению. Накануне Общего собрания на квартире академика В.А. Энгельгардта (крупного биохимика, давнего противника Лысенко) состоялось конфиденциальное совещание, и было решено, что Тамм, Леонтович и Энгельгардт выступят на Общем собрании; были согласованы тексты выступлений. Повторяю, я ничего обо всем этом не знал.

Общее собрание началось как обычно. Наконец очередь дошла до академика-секретаря Отделения биологии (кажется, им был тогда академик Опарин — в прошлом поддерживавший Лысенко). Он сообщил об избрании на Отделении Нуждина и в нескольких фразах охарактеризовал его как выдающегося ученого-биолога. Я окончательно решился выступить, набросал тезисы выступления на обложке розданной академикам при входе в зал брошюры о выдвинутых Отделениями кандидатах (к

сожалению, эти тезисы у меня не сохранились) и попросил слова, подняв руку (опередив тем самым Тамма, Энгельгардта и Леонтовича). Келдыш тут же позвал меня на трибуну. Я сказал примерно следующее:

«Устав Академии предъявляет очень высокие требования к тем, кто удостоивается звания академика — как в отношении заслуг перед наукой, так и в отношении общественной позиции. Член-корреспондент Н.И. Нуждин, выдвинутый Отделением биологии для избрания в академики, этим требованиям не удовлетворяет. Вместе с академиком Лысенко он ответствен за позорное отставание советской биологии, в особенности в области современной научной генетики, за распространение и поддержку лженаучных взглядов и авантюризм, за гонение подлинной науки и подлинных ученых, за преследования, шельмование, лишение возможности работать, увольнения — вплоть до арестов и гибели многих ученых.

Я призываю вас голосовать против кандидатуры Н.И. Нуждина».

Когда я кончил, на несколько секунд в большом зале возникла тишина. Потом раздались крики: «Позор!» И аплодисменты с задних рядов.

Пока я шел до своего места и несколько минут после этого, шум в зале и аплодисменты все усиливались. Недалеко от меня сидел Лысенко. Он громко произнес сдавленным от ярости голосом:

— Сажать надо таких, как Сахаров! Судить!

Мстислав Келдыш. Фото: архив

Еще во время моего выступления слово попросили Игорь Евгеньевич Тамм, В.А. Энгельгардт, М.А. Леонтович. Вскочив со своего места в страшном возбуждении, слова стал требовать Лысенко. Келдыш первым выпустил Тамма, Леонтовича и Энгельгардта. Лысенко, конечно, говорил, что сказанное нами — возмутительная клевета и что заслуги Нуждина очень велики. Потом взял слово Келдыш. Он выразил сожаление о том, что академик Сахаров употребил некоторые выражения, недопустимые на таком ответственном Собрании; он считает, что Сахаров совершенно не прав, и надеется, что Собрание при голосовании подойдет к вопросу о кандидатуре члена-корреспондента Н.И. Нуждина спокойно, непредубежденно и справедливо, учтя мнение Отделения биологии. Обращаясь к Лысенко, Келдыш сказал:

— Я не согласен с Сахаровым. Но, Трофим Денисович, каждый

академик имеет право на выступление в пределах регламента и волен защищать свою точку зрения.

Много потом я узнал, что сидевший в президиуме зав. Отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС Ильичев очень заволновался во время моего выступления и хотел тоже выступить. Он спросил сидевшего рядом академика П.Л. Капицу (от которого я и узнал эти подробности):

— Кто это выступает?

Капица ответил:

— Это автор водородной бомбы.

После этого разъяснения Ильичев решил, видимо, на всякий случай промолчать».

Нуждин, как известно, избран не был. Хрущев был в бешенстве, собирался даже применить против академии меры. Но не успел.

«Почему я, — пишет Сахаров, — пошел на такой несвойственный мне шаг, как публичное выступление на собрании против кандидатуры человека, которого я даже не знал лично? Вероятно, во-первых, потому, что я особенно близко принимал к сердцу проблемы свободы науки, научной честности — наука казалась мне (и кажется сейчас) важнейшей частью цивилизации, и поэтому посягательство на нее — особенно недопустимым».

На только что прошедшей сессии Российской Академии наук не были избраны академиками два выдающихся лингвиста, подписавшие три года назад коллективное письмо о своем неприятии СВО. Выступивший на собрании главный конструктор НПК «Конструкторское бюро машиностроения»

академик Кашин спросил: «Изменили ли данные лица свою позицию? Иначе непонятно, как голосовать за них».

В результате оба лингвиста набрали около половины голосов присутствующих и не прошли.

Зато стал академиком Николай Янович Азаров, бывший премьер-министр Украины при Януковиче. Азаров — первый в истории РАН академик, у которого отсутствуют научные публикации в авторитетных научных журналах и чей «индекс Хирша» (цитирования) равен 0.

Прописью — нулю!

Николай Азаров. Фото: Станислав Красильников / ТАСС

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Заговор кремлевских уборщиц](#)

Ровно 90 лет назад разразилось фантаσμαгоричное «кремлевское дело» — одна из метафор советской истории

11:09, 12 апреля 2025, Павел Гутионтов

[«Бойтесь? И мы вот также боялись»](#)

25 февраля 1956 года с трибуны XX съезда КПСС прозвучал самый знаменитый документ в истории Компартии

10:05, 25 февраля 2025, Павел Гутионтов